

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ДАВИДОВИЧ ЖЕВАХОВ

В Рождественский сочельник 24 декабря 1874 года у коллежского советника, помещика Пирятинского уезда Полтавской губернии Давида Дмитриевича Жевахова родились два сына, Владимир и Николай, которые оставили заметный след в отечественной истории XX столетия.⁶⁹

Жеваховы – древний княжеский род. Своим родоначальником они считали Картлоса – внука Иафета, первого владельца Кавказа и родоначальника грузин. Его потомок Джавах I, царь Джавахетии, живший за несколько веков до Р.Х., и дал имя роду Джаваховых. В XVIII столетии князь Шио (Семен) Джавахов вышел из Грузии с собственным отрядом в свите царя Вахтанга. В 1738 году он принял русское подданство, получив княжеский надел в Кобелякском уезде Новороссийской (позднее Полтавской) губернии. Он-то и положил начало российской ветви древнего княжеского рода, который по-русски стал именоваться Жеваховы.⁷⁰

Один из сыновей князя Семена отставной майор Спиридон Семенович Жевахов был женат на племяннице Марии Даниловны Апостол, в замужестве Горленко, матери Иоакима Андреевича Горленко, в иночестве Иоасафа, Святителя Белгородского и всея России Чудотворца. Второй раз род Жеваховых пересекся с родом Святителя Иоасафа позже. Дед Владимира и Николая Жеваховых князь Дмитрий Михайлович был женат на Любви Давидовне, урожденной Горленко, прадед которой был двоюродным братом Святителя. Это важно отметить, ибо Святитель Иоасаф сыграл огромную роль в жизни братьев Жеваховых. Николай Давидович собрал и опубликовал многотомные материалы для биографии Святителя, ставшие прологом к Его канонизации. Именно Святитель Иоасаф привел его к Царской Семье. Владимир Давидович в 1924 году был пострижен в монашество с именем Иоасафа.

Князь Давид Дмитриевич проживал в своем имении Линовица Пирятинского уезда Полтавской губернии и служил

по выборам дворянства. Он был женат на Екатерине Константиновне, урожденной Вульфферт. Кроме двух сыновей-первенцев у них было еще две дочери: Любовь Давидовна 1876 года рождения и Варвара Давидовна 1879 года рождения.

Детство Николая Давидовича Жевахова прошло в родовом имении Линовица и в Киеве, где у его матери был собственный дом на Сретенской улице. Образование он получил сначала во 2-й Киевской гимназии, затем в Коллегии Павла Галагана и, наконец, на юридическом факультете Императорского университета Св. Владимира в Киеве.

Еще будучи студентом, в 1897 году молодой князь Жевахов получил свою первую награду – темно-бронзовую медаль за труды по первой всеобщей переписи населения. В 1898 году, окончив курс университета с дипломом второй степени, Николай Давидович поступил на государственную службу. В начале своей карьеры он занимал различные мелкие чиновничьи должности в Киевской судебной палате и в канцелярии Киевского генерал-губернатора.

Однако уже в молодые годы стало ясно, что рутинная канцелярская работа – не его стезя. И в мае 1902 года князь Жевахов занял хлопотную должность земского начальника в своих родных местах. В таком выборе службы, несомненно, проявилась свойственная интеллигенции того времени идеализация простого народа. Однако три года службы земским начальником не были потерянным временем. Дело не только в том, что Жевахов досконально узнал нужды деревни и мог о них вполне компетентно рассуждать. Главным итогом службы стал реализм во взгляде на мужика.

У князя Жевахова сформировалось трезвое представление о простом народе, которое было чуждо в равной степени как пренебрежению, так и идеализации. Сам Жевахов так описывает свои воззрения: с одной стороны, «медленно и постепенно, настойчиво и упорно превращался в моих глазах “народбогоносец” в зверскую и жестокую массу»; с другой стороны, хотя «там были звери, и их было большинство; но были и такие, каких нигде не было и нигде нельзя было найти, люди недостижимой нравственной чистоты и величия духа».⁷¹

В бытность земским начальником Николай Давидович впервые попробовал себя на поприще политического публи-

циста. В 1904 году на страницах консервативного журнала «Гражданин», издававшегося князем В.П. Мещерским, печатались его «Письма земского начальника». Характеризуя современную ему политическую практику в отношении крестьянства, он делает неутешительный вывод: «Мы сбились с дороги – это ясно».⁷²

В своей деятельности земский начальник Жевахов пытается найти ту правильную – **русскую православную** – дорогу развития. Главное внимание он уделяет задачам духовного просвещения и образования крестьянства. Он выступает инициатором и руководителем строительства сельских храмов, организует сбор пожертвований, немало жертвует своих личных денег на это богоугодное дело. Впоследствии, в 1914 году, его деятельность на благо духовного просвещения народа была отмечена преподанием официального благословения Святейшего Синода с вручением грамоты.

Другой заботой Жевахова на посту земского начальника было народное образование. Причем он прекрасно понимал, что образование, чтобы оно приносило пользу и человеку и обществу, должно быть пропитано православным духом.

В одной из своих работ Жевахов писал: «Цель всякой школы... заключается не в том только, чтобы расширить умственный кругозор учащегося и дать ему полезные для жизни знания, но прежде всего в том, чтобы научить его пользоваться этими знаниями в интересах увеличения общей суммы Добра и Правды в жизни».⁷³

В конце апреля 1905 года князь Н.Д. Жевахов был причислен для дальнейшей службы к Государственной канцелярии в отделение свода законов. Он перебрался в Петербург.

Летом следующего 1906 года, находясь в отпуске в Киеве, Жевахов познакомился с замечательным русским человеком Николаем Николаевичем Иваненко.⁷⁴ Встреча с ним произвела на Николая Давидовича неизгладимое впечатление. Н.Н. Иваненко стал его учителем и наставником. В августе 1906 года, возвращаясь к месту службы в Петербург, Жевахов около месяца провел в Боровском Св. Пафнутия монастыре, наслаждаясь беседами с Николаем Николаевичем. В брошюре, посвященной памяти своего учителя, Жевахов написал: «Этот месяц был счастливейшим месяцем моей жизни... И **всю свою**

последующую жизнь я жил буквально между небом и землею, между миром и монастырем (выделено мною — А.С.) и, как ни болезненна была моя личная душевная драма от неизбежного, благодаря такому положению, разлада с собою и с окружающим, все же ей я обязан равнодушием к земным благам и приманкам, и тем, что никогда не скучал о них».⁷⁵

«Между миром и монастырем» – действительно нельзя более точно определить жизненный путь князя Николая Давидовича Жевахова. Всю свою жизнь он предпринимал настойчивые попытки уйти в монастырь, но Господь, видать, судил ему оставаться в миру для особого служения. Однако каждая такая неудачная попытка ухода в монастырь давала свой плод – завершалась каким-либо компромиссом между миром и монастырем, который служил к вящей славе Божией.

Первую попытку уйти в монастырь Жевахов предпринял тогда же, в августе 1906 года, вознамерившись остаться в Боровском монастыре. Но родители воспротивилась желанию сына, и его отговорили. Вернувшись в Петербург, окунувшись в суету и тягостную канцелярщину Мариинского дворца (там размещалась Государственная канцелярия), он затосковал.

...И порвав все связи с Петербургом и службою, бросился на Валаам. Спустя годы, Николай Давидович так описывал свой побег: «Одна ужасная картина сменялась другою, еще более ужасною... Выборг, беседа с Архиепископом Сергием Финляндским, его изумление и отзывы о “мужицком царстве”, Сердоболь, замерзшее Ладожское озеро, прерванное сообщение с Валаамом, возвращение в Петербург и кошмарный ночлег в “Финляндской гостинице”, бегство в Зосимову Пустынь, к старцам Герману и Алексею, отъезд в Киев, свидание с родителями, драмы, скорби, упреки и... обратное возвращение в Петербург, водворение у приютившей меня бабушки Аделаиды Андреевны Горленко...».⁷⁶

Именно бабушка⁷⁷ познакомила Жевахова с протоиереем Александром Маляревским,⁷⁸ давним почитателем Святителя Иоасафа. Так в конце 1906 года Николай Давидович начал работу по собиранию материалов о Святителе Иоасафе. Однако враг не дремал – на Николая Давидовича сразу же обрушились тяжелые испытания. 12 января 1907 года умер любимый начальник и покровитель статс-секретарь Государственного

Совета Станислав Францевич Раселли, а на следующий день скончался отец.

Скорби не сломили Жевахова. После погребения отца он более года странствовал по России в поисках материалов для книги о Св. Иоасафе. Именно в это время он познакомился с Архиепископом Курским и Обоянским Питиримом (Окновым), будущим Митрополитом Петроградским и Ладужским, которому посвящено немало теплых воспоминаний на страницах его мемуаров. С владыкой Питиримом судьба сведет Жевахова еще и еще: и в Петербурге, где они рука об руку будут трудиться в Святейшем Синоде в зените мирского могущества, и на Кавказе, где пересекутся их пути – на этот раз пути всеми злословимых и поносимых изгнанников и скитальцев.

Плодом трудов князя Жевахова стали три тома «Материалов для биографии Святителя Иоасафа Горленко, Епископа Белгородского и Обоянского», которые были изданы в Киеве в 1907–1911 гг. Любовно и скрупулезно Жевахов собрал сведения о предках Святителя, его деятельности в бытность настоятелем Лубенского Мгарского Спасо-Преображенского монастыря и Свято-Троицкой Лавры, предстоятелем Белгородской епархии. Жевахов опубликовал также сочинения Святителя, сведения о многочисленных чудесных исцелениях по его молитвам, предания об Иоасафе Белгородском. Естественным завершением трудов Николая Давидовича стало прославление Святителя Иоасафа. Канонизация состоялась 4 сентября 1911 года. Кстати, нетленные мощи Белгородского Чудотворца были чудесно обретены вновь в 1991 году в Петербурге, когда Петербургскую кафедру занимал приснопамятный Митрополит Иоанн (Снычев).

По окончании работ над книгами о Белгородском Чудотворце Николай Давидович Жевахов 18 марта 1910 года удостоился аудиенции у Государя Императора.⁷⁹ Прощаясь, Государь несколько раз сказал: «Так будем же встречаться». Затем неоднократно спрашивался о Жевахове, но придворные недоброжелатели, боясь подпускать искренне верующего аристократа к Царю, говорили, что он в отъезде.

Похожая история произошла, как известно, и с Сергеем Александровичем Нилусом. Когда он женился на фрейлине Императрицы Елене Александровне Озеровой и вознамерился

принять сан, против него была развязана кампания в газетах, чтобы воспрепятствовать его возможному сближению с Царской Семейей.⁸⁰

С.А. Нилус сыграл заметную роль и в жизни Н.Д. Жевахова. По воспоминаниям Жевахова, он познакомился с Нилусом в Киеве около 1900 года. Активно общаться они начали с осени 1905 года в Петербурге. В 1913 году, посетив Нилуса в Валдайском монастыре и услышав от него сетования на необходимость поиска нового пристанища, Жевахов пригласил его жить в родовое имение Линовица. Часто навещал его там, и они подолгу беседовали. В Линовице С.А. Нилус готовил к изданию свою знаменитую книгу «Близ есть при дверех».⁸¹ После революции Нилус со своей женой и племянницей жены Натальей Юрьевной Концевич (урожденной Карцовой) по приглашению В.Д. Жевахова жил несколько лет в Линовице.

Смерть прежнего начальника и покровителя, а также частые отлучки из Петербурга, связанные со сбором материалов о Святителе Иоасафе, не способствовали продвижению по службе в Государственной Канцелярии. Жевахов был переведен на должность помощника Статс-секретаря Государственного Совета. Это был тупик карьеры – должность не сулила никакого продвижения по службе. Кроме того, его угнетал рутинный характер работы.

И опять затосковала душа, снова возникли мысли о монашестве. Новым компромиссом между миром и монастырем стало создание братства Святителя Иоасафа, Чудотворца Белгородского. Жевахов стал товарищем председателя братства. Благодаря деятельности в братстве Н.Д. Жевахов завязал знакомства с верующими представителями столичного общества. В частности, он познакомился с человеком редкой духовной чистоты, истинной подвижницей – княжной Марией Михайловной Дондуковой-Корсаковой, о которой в 1913 году написал трогательные воспоминания.

Будучи искренне верующим человеком и убежденным монархистом, князь Жевахов не мог не принять участия в деятельности черной сотни. 4 мая 1909 года он был принят в действительные члены старейшей черносотенной организации, своего рода мозгового центра монархического движения «Русское Собрание».

Чиновно-мундирная атмосфера столицы давила. Назревала новая попытка бегства от мира.

Но тут в 1910 году Николай Давидович совершил паломническое путешествие в итальянский город Бари, где покоятся мощи его небесного покровителя Святителя Мир Ликийских Николая Чудотворца. Он был прямо-таки обескуражен противоречием между степенью почитания сего Угодника Божия в России и неорганизованностью паломнического дела. Жевахов опубликовал свои «Путевые заметки», где предложил соорудить православный храм во имя Св. Николая и при нем странноприимный дом для русских паломников. Предвидя вопрос о средствах на строительство, он писал: «На это я могу ответить словами веры. Мы привыкли заниматься предвидениями, не будучи пророками, но не привыкли верить».⁸² В этих словах – весь Жевахов. Он обладал редкими уже и в то время качествами: смирением и упованием на волю Божию. Для него не были пустым звуком слова Спасителя: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете»... (Лк. 11, 9).

Кстати, в путевых заметках Жевахова есть замечательная мысль, которая всегда должна быть основанием всякой человеческой деятельности: богоугодное дело непременно окажется и практически выгодным. Он утверждал: «Такой храм сблизит нации теснее, чем самые блестящие дипломатические сношения, и, кроме того, окажет незаменимую услугу всем русским, прибывающим в Бари на поклонение великому Угоднику Божию, Св. Николаю».⁸³

Предложение князя Н.Д. Жевахова не осталось незамеченным. В декабре 1910 года по поручению Императорского Палестинского Православного Общества он был командирован в Бари для приобретения земельного участка для постройки храма и странноприимного дома. А в мае 1911 году был Высочайше утвержден Барградский комитет при Палестинском обществе для сбора пожертвований на строительство. Жевахов стал членом комитета, который возглавил князь А.А. Ширинский-Шихматов. Уже в мае 1913 года Николай Давидович, командированный в Бари постановлением Барградского комитета, присутствовал при закладке храма и странноприимного дома. Тогда же он стал председателем Строительной комиссии, а потому вынужден был часто посещать Бари.

В июне 1913 года Жевахов был избран в пожизненные действительные члены Императорского Палестинского Православного общества с выдачей серебряного знака за оказанные Барградскому комитету услуги. Вскоре последовала другая – более для него значимая – награда. За организацию строительства храма и странноприимного дома 6 мая 1914 года князю Николаю Давидовичу Жевахову было пожаловано звание камер-юнкера Высочайшего Двора. Этим званием, как никакой другой наградой, он очень гордился.⁸⁴

Но не одни только служебные обязанности и хлопоты по «Барградскому делу» занимали Николая Давидовича Жевахова. Стоит упомянуть, что он являлся одним из учредителей Православного Камчатского братства во имя Нерукотворного образа Всемиловейшего Спаса, организатором которого был Камчатский миссионер, впоследствии один из выдающихся русских архиереев Нестор (Анисимов). В марте 1911 года, как член-учредитель братства, Жевахов был награжден братским крестом II степени. Такой же награды были удостоены еще два князя Жеваховых: Владимир Давидович и их двоюродный брат – доктор Сергей Владимирович Жевахов.⁸⁵

Летом 1914 года грянула мировая война. Начало военных действий застало Н.Д. Жевахова в Бари, где он находился по делам строительства Подворья Св. Николая. Первые годы мировой войны стали для России тяжелым испытанием: значительная часть территории была оккупирована, армия несла невосполнимые потери, кровь лилась рекой. Особенно тягостно восприняли начавшуюся войну люди (среди них был и князь Жевахов), которые прекрасно понимали, что она не выгодна ни России, ни Германии, что любой исход войны грозит великими потрясениями этим двум столпам мирового порядка.

4 сентября 1915 года по случаю годовщины прославления Святителя Иоасафа состоялось собрание братства Его имени. На это собрание неожиданно пришел некий полковник О., который поведал о явлении ему Белгородского Чудотворца. Святитель повелел для спасения России доставить на фронт Владимирский образ Царицы Небесной, которым Его благословила на иночество мать, и Песчанский образ Богородицы, обретенный Им в бытность Епископом Белгородским, и пронести Их по линии фронта — тогда Господь смилуется над

Россией по молитвам Матери Своей. Как потом выяснилось, почти одновременно похожее явление было боголюбивому старику-крестьянину из деревни Пески.

Полковник О. как появился чудесным образом, так и исчез. Но это событие стало поворотным в судьбе Николая Давидовича Жевахова, ибо привело его к Государю, поставило в ряд первых слуг Царя-Мученика. Именно его послал в Царскую Ставку со Святынями Святитель Иоасаф.

Жевахов начинает свои воспоминания с описания явления Белгородского Чудотворца и своей поездки в Ставку. Эта поездка принесла Николаю Давидовичу не столько радости, сколько скорби и огорчения. Человек искренне верующий, он прекрасно понимал значение для судьбы России того, что происходит и в чем он, по Воле Божией, принимает участие. Но таких – понимающих – людей, как выяснилось, было немного. Совсем мало их оказалось в окружении Государя. Особенно неприятным открытием для Жевахова стало то, что в числе таких непонимающих и маловерующих людей был и протопресвитер армии и флота о. Георгий Шавельский.

Главный священник русской армии не только не встретил Святыни подобающим образом, но и заявил Жевахову, что ему «некогда заниматься пустяками». Пораженный посланец Святителя Иоасафа пришел к выводу, что «один этот человек погубит всю Россию». Жевахов вполне справедливо назвал о. Шавельского «маловерующим и ловким человеком».⁸⁶

Пренебрежительное отношение к Святыням произвело на Жевахова тягостное впечатление. Недвусмысленное повеление Святителя Иоасафа не было исполнено. Но даже несмотря на это Жевахов отмечал, что «во время пребывания святыни в ставке не было не только поражений на фронте, а, наоборот, были только победы».⁸⁷

После поездки Жевахова в Ставку начали активно циркулировать слухи о назначении его товарищем обер-прокурора Святейшего Синода. Эти слухи имели под собой основу. Государыня Императрица после личного знакомства с Н.Д. Жеваховым увидела в нем человека, обладающего необходимыми качествами для государственного чиновника, особенно в то непростое время: искренней верой, твердыми монархическими убеждениями и компетентностью в делах Церкви. Поэтому

Царица начала предпринимать усилия для назначения Жевахова. Сделать это было не так просто.

Назначению Жевахова товарищем обер-прокурора препятствовали не только формальные обстоятельства: он был чиновником 5 класса, а должность товарища обер-прокурора соответствовала в «Табели о рангах» 3 классу, т.е. пришлось бы нарушить порядок чинопроизводства. Но это препятствие можно было преодолеть. Сложнее было преодолеть другие вдруг возникшие препоны: как только стало известно о желании Государыни и Государя назначить Жевахова, против него была развязана кампания лжи и клеветы со стороны придворных кругов и либеральной прессы. Он тут же попал в число «распутинцев», «представителей темных сил». Недоброжелатели рассматривали его поездку в Ставку как попытку «сделать карьеру на религии».

Слухи и сплетни вокруг своего имени весьма тяготили Жевахова. А возможность высокого назначения пугала нелегкой ношей ответственности. С новой силой возникли мысли о бегстве из мира. Как человек искренне верующий, Жевахов за разрешением своих сомнений поехал к старцам Оптиной Пустыни. Там он получил благословение от старца Анатолия (Потапова), который при этом сказал примечательные слова: «Судьба Царя – судьба России. Радоваться будет Царь, радоваться будет и Россия. Заплачет Царь, заплачет и Россия, а... не будет Царя, не будет и России... Как человек с отрезанной головою уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без Царя будет трупом смердящим. Иди же, иди смело, и да не смущают тебя помыслы об иночестве: у тебя еще много дела в миру. Твой монастырь внутри тебя; отнесешь его в обитель, когда Господь прикажет, когда не будет уже ничего, что станет удерживать тебя в миру».⁸⁸

Наконец 15 сентября 1916 года Государь Император дал в Царской Ставке указ Правительствующему Сенату: «Помощнику статс-секретаря Государственного Совета сверх штата, в звании камер-юнкера Двора Нашего статскому советнику князю Жевахову Всемилостивейше повелеваем быть исправляющим должность товарища обер-прокурора Св. Синода, с оставлением в придворном звании».⁸⁹ Обер-прокурором по настоянию Государыни еще в августе стал Николай Павлович

Раев.⁹⁰ Жевахов и Раев оказались единомышленниками в воззрениях на церковно-государственные задачи, и Николай Давидович с энтузиазмом принялся за новое дело.

6 декабря 1916 года Жевахов был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, к которому его представляли еще за три года до этого. 1 января 1917 года он был пожалован званием камергера Высочайшего Двора и произведен в чин действительного статского советника.

В конце января 1917 года новый товарищ обер-прокурора Святейшего Синода отбыл в инспекционную поездку на Кавказ. Вернувшись в столицу 24 февраля, он застал первые признаки революционного брожения. В заседании Св. Синода 26 февраля Жевахов пытался инициировать обращение Синода к населению, которое бы грозило церковными карами всем участникам беспорядков. Однако не встретил поддержки со стороны архиереев, которые отвергли его предложение. Уже оскудела смыслом как государственная, так и церковная власть.

В первые дни революции в действиях властей в полной мере проявились нераспорядительность и растерянность. Объяснить это можно не только злым умыслом (хотя и он присутствовал в действиях некоторых чиновников), но и некоторой наивностью. Не был исключением тут и Жевахов, хотя он лучше других понимал смысл начавшихся событий. В своих воспоминаниях он рассказывает, что на предложение верного слуги незамедлительно скрыться, он ответил, что «народ, может быть, скоро образумится, и все пойдет опять по-прежнему».⁹¹ Кстати, этот искренний рассказ о своей наивности придает убедительность жеваховским воспоминаниям, несмотря на попытки поставить под сомнение их достоверность.

1 марта 1917 года по приказу Керенского Жевахов был арестован и до 5 марта находился в заключении в так называемом министерском павильоне Государственной Думы, как товарищ министра «прежнего режима».

В первые месяцы правления Временного правительства, когда еще не минула эйфория от того, что «все стало можно», когда еще не были проедены ресурсы, накопленные Империей, можно было более-менее свободно перемещаться по стране. В это время Жевахов жил то в имении сестры под Петербургом, то у матери в Киеве, то в имении у брата в Полтавской

губернии. Ему даже удалось исхлопотать себе пенсию от Временного правительства за свою 18-летнюю государственную службу. Чиновничий аппарат оставался ведь пока еще прежним, там было немало давних сослуживцев Жевахова.

Находясь вдали от столицы, Жевахов, конечно, не мог наблюдать агонию февралистского режима. Во второй половине лета он вновь приехал к сестре, поближе к столице. До 8 ноября 1917 года Николай Давидович жил в имении у сестры. И только увидев наступление анархии, боясь подвергнуть сестру опасности, он выехал в Киев.

Поезда ходили редко, передвигаться по железной дороге стало небезопасно. Испытав немало унижений, избежав множество опасностей, Жевахов добрался, наконец, до Киева. И там он узнал страшную весть – 30 октября умерла его мать. Он не успел даже на похороны.

Николай Давидович решил остаться в Киеве. На его глазах менялись власти: сначала «глупая Рада»; затем взявшие Киев штурмом и залившие его кровью расстрелянных офицеров большевистские отряды Муравьева; затем немцы и гетман Павло Скоропадский. После революции в Германии немцы ушли, а с ними вместе и гетман, который держался только на немецких штыках. В декабре в оставленный немцами Киев ворвались петлюровцы и учинили там террор. Тогда был расстрелян генерал-лейтенант граф Ф.А. Келлер (один из двух военачальников, не поддержавших предложение генерала-адъютанта М.В. Алексева об отречении Государя) со своим адъютантом. Петлюровцы арестовали ненавистных им русских архиереев: Митрополита Антония, его викария Епископа Николая, а также Архиепископа Евлогия и вывезли их в Галицию.

Через месяц с небольшим петлюровцы бежали из Киева перед наступавшими частями большевиков. Настали страшные полгода чекистских злодеяний, перед которыми померк террор петлюровцев. В эти страшные месяцы Жевахов с братом скрывались в Скиту Пречистая Богородицы. Их приютил игумен в благодарность за пожертвования Скиту со стороны брата Владимира.

А Киев – мать городов русских – в это время истекал кровью. С сатанинской злобой и ненавистью ко всему национально русскому обрушилась репрессивная машина ЧК на на-

селение города. От рук сатанистов в эти месяцы погибли кузен Жевахова, один из руководителей киевского Клуба русских националистов профессор П.Я. Армашевский, двоюродный брат Д.В. Жевахов⁹² и тысячи других представителей русского образованного слоя. Когда в середине августа в Киев вступила Добровольческая армия, даже выдавшие виды офицеры были в ужасе.

Дом Жеваховых был разгромлен. Пережитое и увиденное после ухода большевиков, видимо, стало страшной травмой для Николая Давидовича. Он не верил в прочность деникинской власти (и, как вскоре выяснилось, вполне обоснованно), поэтому решил уехать на юг. Пока еще он питал некие иллюзии: «Ехать в Крым, или на Кавказ и туда выписать сестру».⁹³ Его брат Владимир Давидович то ли не разделял эти иллюзии, то ли намеревался сделать то же самое, но позже. Как бы там ни было, на тот момент планы брата оказались другими. Николай Давидович простился с братом – как оказалось, навсегда – и в середине сентября уехал в Харьков.

Затем, спасаясь от наступавших большевиков, он бежал в Ростов. Очень скоро выяснилось, что найти себе применение на службе у деникинских властей Жевахову не удастся. Чиновники «старого режима» были не в чести у вождей Белой армии. По гражданской части у Деникина служили в основном кадеты. Во время передвижений по югу России Жевахова несколько раз ограбили. Он оказался без средств к существованию, без крова и даже почти без одежды. Николай Давидович был в отчаянии... И тут – милость Божия – его пригласил к себе Митрополит Питирим, которого Жевахов считал давно умершим и по которому в Киеве даже служились панихиды. Владыка Питирим занимал скромную должность настоятеля Второ-Афонского монастыря под Пятигорском. Вторую половину ноября и декабрь 1919 года Жевахов провел на крохотном Подворье Второ-Афонского монастыря в Пятигорске, где жил Митрополит Питирим.

Предвидя скорую агонию деникинского дела, в последний день декабря 1919 года Жевахов вместе с Митрополитом Питиримом уехали в Екатеринодар. Они намеревались отправиться на Афон. Однако неожиданно для Жевахова владыка отказался от этого замысла и решил остаться в Екатеринода-

ре. Видимо, он предвидел свою скорую кончину (в середине февраля Митрополит Питирим отошел ко Господу). Жевахов в середине января приехал в Новороссийск, где оформил необходимые документы для отъезда за границу.

На рейде Новороссийска стоял в это время старенький грузовой пароход «Иртыш», на котором отправлялась в Сербию группа архиереев (Архиепископ Волынский Евлогий, Епископ Челябинский Гавриил, Епископ Сумской Митрофан, Епископ Минский Георгий и Епископ Белгородский Аполлинарий). К ним и присоединился бывший товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. 16 января пароход взял курс на Константинополь.

Путешествие было не из легких. Один из его участников так описывает свои злоключения: «Плавание на “Иртыше” было долгим и мучительным. Битком набитый пассажирами трюм. Лежат вповалку мужчины, дамы, дети... Поднимешься на палубу — та же картина».⁹⁴ К трудностям бытовым добавились нравственные издевательства. Пароход продержали сначала на рейде Константинополя, а затем Салоник, не разрешая сход на берег. Наконец был подан поезд, который доставил их в дружественную Сербию, где был оказан достойный прием. Архиереи вскоре разъехались по монастырям и сербским приходам.

Так началась эмигрантская жизнь князя Николая Давидовича Жевахова. Он оказался без каких-либо средств к существованию. Имея репутацию «распутинца» и «реакционера», Николай Давидович не мог рассчитывать на помощь не только либеральных, но и консервативных кругов эмиграции, в том числе большинства оказавшихся за границей архиереев. Сведения об эмигрантском периоде жизни Н.Д. Жевахова скудны и отрывочны. Приходится буквально по крупицам собирать информацию.

В своих воспоминаниях Жевахов пишет, что с 9 февраля 1919 года по сентябрь 1920-го он жил в Сербии. На первых порах его приютил у себя граф В.А. Бобринской. Это и некоторые другие сведения о Жевахове сообщает в своих воспоминаниях Митрополит Евлогий.⁹⁵ Здесь в Сербии Николай Давидович выступил одним из инициаторов создания русско-сербского общества. Оно было открыто 20 июля 1920 года, и Жевахов был избран председателем общества. В своей речи

при торжественном открытии общества он попытался обозначить новые задачи для объединения славянства. В условиях, когда иудейство и масонство ведут открытую войну на уничтожение против христианства, «всякая попытка к единению славян приобретает исключительное значение», считал Жевахов. Он выражал надежду, что «славянская идея объединит вокруг себя всех христиан для совместной борьбы с врагами Христа».⁹⁶ Увы, надежды на славян, как и ранее, не оправдались.

Вскоре Николаю Давидовичу удалось связаться с бежавшим от большевиков председателем Императорского Православного Палестинского Общества князем А.А. Ширинским-Шихматовым. С ним Жевахов был знаком еще со времен «Барградского дела». Помимо личного знакомства оба князя, судя по всему, были единомышленниками. По крайней мере после смерти А.А. Ширинского-Шихматова Жевахов написал о нем очень теплые воспоминания. В итоге в 1920 году князь Жевахов был назначен заведовать Подворьем Св. Николая, которое являлось собственностью Палестинского общества.

Нельзя сказать, что должность заведующего Подворьем была легкой. Сам Жевахов свидетельствует: «Условия моей жизни и службы в Бари были кошмарны».⁹⁷ Все время приходилось изыскивать средства к существованию для Подворья. Порою ситуация для православного населения Бари была просто катастрофической. Так в письме княгине М.П. Демидовой⁹⁸ от 10 (23) августа 1932 года Жевахов сообщает: «Положение Подворья отчаянное. С Рождества Христова прошлого года в Подворье нет священника, которого нечем содержать, и не совершается богослужение. Эту Пасху все православное население оставалось без церковных служб».⁹⁹

Вдобавок к материальным трудностям и на Подворье проникла смута. Насельники не хотели признавать ничьей власти, враждовали между собою. Но это было еще полбеды. Тяжкие испытания начались для Николая Давидовича после перехода на службу к большевикам вице-консула в Бари Алексеева, которому удалось соблазнить и псаломщика Каменского. Этот последний захватил архив и документы Строительной комиссии, после чего объявил себя управляющим Подворьем. Начался многолетний тяжкий судебный процесс. Свои злоключения в эмиграции Жевахов описал в третьем и четвертом

томах воспоминаний, которые так и не были изданы из-за отсутствия средств.

Круг тех людей, с которыми встречался, общался, переписывался в эмиграции Николай Давидович Жевахов, был невелик. Но нередко это были весьма примечательные личности. Один из них – известный авиаконструктор и промышленник И.И. Сикорский. Жевахов был, видимо, восприимчивым одним из его сыновей. В РНБ в Петербурге хранится книга Жевахова о С.А. Нилусе из личной библиотеки Сикорского с дарственной надписью: «Дорогому Игорю Ивановичу Сикорскому от кума. Ник. Жевахов. Рим, 9/22 мая 1937».¹⁰⁰

Своим знакомством с Жеваховым И.И. Сикорский, видимо, обязан своему отцу, известному ученому и педагогу, убежденному националисту и монархисту И.А. Сикорскому.¹⁰¹ Профессор Киевского университета Св. Владимира Иван Алексеевич Сикорский принимал непосредственное участие, как эксперт, в «деле Бейлиса», за которым следила вся страна. Он, как известно, дал положительное заключение о ритуальном характере убийства Андриюши Ющинского. Таким образом, помимо того, что Жевахов был питомцем университета, в котором преподавал Сикорский-старший, их сближало общее отношение к процессу по «делу Бейлиса».

В январе 1921 года Жевахов совершил поездку в Германию, где зарождалось тогда националистическое движение. В январе 1922 года по настоянию его берлинских друзей он побывал в Мюнхене, где встречался и общался с одним из идеологов немецкого национализма Максом Эрвином Шейбнер-Рихтером. Шейбнер-Рихтер представил Жевахова фельд-маршалу Эриху Людендорфу, который был одним из лидеров правого движения. В Германии Жевахов познакомился и с другими лидерами немецких правых: графом Эрнестом Ревентловым и с первым переводчиком «Протоколов Сионских мудрецов» на немецкий язык, издателем консервативного журнала «Ауф форпостен» Людвигом Мюллер фон Гаузен.

Николай Давидович и раньше симпатизировал немцам, слыл большим германофилом. Теперь же, увидев подъем национального движения в Германии, он был просто восхищен. Немцы также проявили немалый интерес к Жевахову. Он сам вспоминал: «Мой приезд в Берлин, в этот момент, не мог

пройти незамеченным для немцев, и я, как лично знавший Нилуса и ведший с ним переписку, неожиданно очутился в самом центре этого бурного, здорового национального движения, смягчавшего у меня горечь сознания той печальной роли, какую сыграла Германия в отношении России, в роковую для обеих стран войну».¹⁰²

Здесь мы подходим к очень серьезной и, к сожалению, до сих пор **правдиво** почти не освещенной проблеме: роли Жевахова и других русских эмигрантов-монархистов в формировании фашистского движения в Европе. Сам Жевахов отмечал, что русские «оказали, несомненно, крупную услугу немцам в деле пробуждения их национального правосознания, и неудивительно, что на этой почве между ними возникли тесное единение и дружная совместная работа. Заслуга же немцев заключалась в том, что они отнеслись к русским не как к «беженцам», требовавшим материальной помощи, а как к подлинным культуртрегерам, и воспринимали их рассказы о зверствах большевизма и завоеваниях еврейства в России как угрозу их собственному бытию, как великую мировую опасность, грозившую всему христианству, цивилизации и культуре».¹⁰³

Фашистское движение в Европе было не только консервативно-националистической реакцией на европейский либерализм, но и ответом на события в России. Немцы, стремясь ослабить Россию и вывести ее из войны, приложили руку к тому, чтобы вызвать русский бунт, а получили... еврейскую революцию. И теперь они внимательно изучали то, что произошло в России, стремились завязать контакты с русскими правыми кругами. Очень важно выяснить роль русских в формировании фашизма. Речь идет не только о Жевахове, но и о Федоре Винберге, Петре Шабельском-Борк, Николае Маркове и других видных представителях русской монархической эмиграции. И не только в Германии, но и в Италии.¹⁰⁴

О последних годах жизни князя Н.Д. Жевахова нам, к сожалению, почти ничего не известно.¹⁰⁵

Очень точно и правильно сказал о князе Николае Жевахове Федор Винберг:¹⁰⁶ «Если б у Царя было побольше таких верных и достойных слуг, никакая революция не удалась бы в России...».